

Н. Н. Тихоницкая

Русская народная игра „Просо сеяли“¹

В современной колхозной деревне местами исполняется еще старинная хороводная игра «Просо сеяли», но первоначальный смысл этой игры давно уже исчез. Однако некогда, в далеком прошлом, эта хороводная игра-песня являлась обрядовым действием, которое выполнялось с целью обеспечить урожай злаков. В деревне царской России классовый гнет, культурная и техническая отсталость создавали благоприятные условия для существования пережитков этого древнего обряда. В колхозной деревне «Просо сеяли» исполняется только как игра, является простым развлечением. Машинизация сельского хозяйства, быстрый рост культурного уровня колхозного крестьянства уничтожили всякую почву для бытования каких-либо обрядов. И только путем научного анализа можно восстановить в этой игре ее древнейший обрядовый смысл.

Игра «Просо сеяли» являлась частью весенней обрядности. Наибольшее распространение эта игра имела прежде у русских.¹ В некоторых местностях она была приурочена к пасхальной неделе, к так наз. Красной горке, к троице. «Вот образец, — писал Терещенко, — встречи Красной горки в Пензенской губернии. В осьмой день праздника после светлого воскресенья, называемый Фоминым воскресеньем, начинается у девушек первое весеннее гулянье, известное под именем Красной горки. Вечером собираются девицы и составляют хоровод; к ним присоединяются молодежки (молодые женщины). Разделяются на две половины и становятся друг против друга в два ряда, на несколько саженей в длину. Первая половина, подходя к другой, поет:

А мы сечу чистили, чистили.
Ой-диди-ладу, чистили, чистили!

И, дошедши до другой, она возвращается назад и становится на свое место. Потом другая, также подходя к первой, поет:

А мы просо сеяли, сеяли.
Ой-диди-ладу сеяли, сеяли!» и т. д.²

В Дмитровском районе под Москвой, по данным А. Б. Зерновой, эту игру (которая носила здесь название игры «в чистку») исполняли в троицу: «После того как березка украшена, девушки водят хоровод уже с участием парней.

¹ Привлеченные для данной работы песни по территории их распространения могут быть сведены в следующие группы: песни северных районов РСФСР — 15 вариантов, центральных — 16 вар., южных — 8 вар., Сибири — 3 вар., без указания района — 15 вар. Кроме русских материалов привлечены для сравнения украинские — 4 вар. и белорусские — 3 вар.

² А. Терещенко. Быт русского народа. СПб., 1848, ч. V, стр. 18—19.

Рис. 1. Участники обряда перед началом шествия с троицкой березкой. Дер. Старый Ягул, Малмыжского р-на, Кировского края, 1929 г.

Обязательной считается в этот день игра в чистку. Игра сопровождается следующей песней:

А мы чистку чистили,
А мы пашню пахали,
А мы просу сеили,
А мы вашу просу вытопчим» и т. д.¹

В б. Гомельском уезде, у белоруссов, песня «Просо сеяли» была приурочена к пасхальной неделе.² Перенесение игры на осенние и зимние праздники нужно отнести к времени более позднему, когда игра потеряла свое первоначальное обрядовое значение.

В некоторых районах Кировской области игра «Просо сеяли» составляла часть троицких обрядов. Весною 1929 г. мне еще удалось наблюдать исполнение этой игры в д. Старый Ягул, Малмыжского района, во время экспедиции, организованной Кировским педагогическим институтом имени В. И. Ленина. Часов в 12 дня, на так наз. «бугре» начала собираться молодежь (парни и девушки). «Бугор» — середина, самая высокая часть деревни; здесь стоит столб с сигнальным колоколом и помещается пожарный сарай. Это — место общедеревенских собраний и игрищ молодежи. Парни принесли из ближайшего леса две березки, одну из них девушки украсили выплетенными из кос лентами. Затем девушки выстроились в шеренгу, поперек дороги. Несколько парней присоединились к ним; один из парней, который стоял в середине, держал украшенную березку³ (см. фот. 1). Прежде, по словам стариков, парни к этим играм совсем «касательства не имели». Шеренга начала затем двигаться с «бугра» вниз, в один из концов

¹ А. Б. Зернова. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае. Сов. этн., 1932, № 3, стр. 28.

² З. Ф. Радченко. Гомельские народные песни. Зап. РГО по Отд. этн., т. XIII, вып. II, стр. XXVII, СПб., 1888.

³ Вторую березку вскоре выбросили.

деревни (см. фот. 2). Хожение с березкой называли ходить «дыбкѡм» или «ширѣнкой». Парни и девушки шли, взявшись под руку. Когда шли «дыбкѡм», пели специальную песню:

Как за розвезью, да за зеленою,
За белым цветом, да за черемушным... и т. д.

Эту песню повторяли, пока не дошли до конца деревни. На обратном пути, поднимаясь на «бугѡр», исполняли песню «Просо сеяли», которая здесь называется «Пахать гору» или «Девки гору пахали». Разделившись на две, приблизительно равные партии, выстроились шеренгами поперек дороги, одна на некотором расстоянии от другой. Первая шеренга, которая несла березку, начала песню, двигаясь вперед по направлению к «бугру» (см. фот. 3). Когда она заканчивала свою часть, останавливалась и поворачивалась лицом ко второй шеренге. Вторая шеренга пела свою часть, двигаясь к первой шеренге. Затем первая шеренга поворачивалась опять лицом по направлению к «бугру» и т. д. Таким образом песню исполняли, все время двигаясь вверх к «бугру», но никогда не пели ее, спускаясь с бугра. В д. Старый Ягул существовали два варианта этой песни.

1-й вариант:

Девки гору пахали, пахали.
Ай-де млада пахали, пахали!
— А мы просо сеяли, сеяли.
Ай-де млада сеяли, сеяли!¹
— А мы просо вытопчем, вытопчем.
Ай-де млада вытопчем, вытопчем!
— А чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ай-де млада вытоптать, вытоптать?
— А мы коней выпустим, выпустим.
Ай-де млада выпустим, выпустим!
— А мы коней вызволим, вызволим.
Ай-де млада вызволим, вызволим!
— А чем же вам вызволить, вызволить?
Ай-де млада вызволить, вызволить?
— А мы шелковым поводом, поводом.
Ай-де млада поводом, поводом!
— А мы коней выкупим, выкупим.
Ай-де млада выкупим, выкупим!
— Чем же вам коней выкупить, выкупить?
Ай-де млада выкупить выкупить?
— Мы дадим сто рублей, сто рублей.
Ай-де млада сто рублей, сто рублей!
— Нам не надо сто рублей, сто рублей.
Ай-де млада сто рублей, сто рублей!
— Мы вам дадим тысячу, тысячу.
Ай-де млада тысячу, тысячу!
— Нам не надо тысячу, тысячу.
Ай-де млада тысячу, тысячу!
— А мы вам дадим дедушку, дедушку.
Ай-де млада дедушку, дедушку!
— Нам не надо дедушку, дедушку.
Ай-де млада дедушку, дедушку!
— Мы вам дадим бабушку, бабушку.
Ай-де млада бабушку, бабушку!
— Нам не надо бабушку, бабушку.
Ай-де млада бабушку, бабушку!

¹ Вариант:

— А мы гору чистили, чистили,
Ай-де клado чистили, чистили!
— А мы гору пахали, пахали,
Ай-де клado пахали, пахали!
— А мы просо сеяли, сеяли... и т. д.

(д. Липовка, Малмыжского района).

деревни (см. фот. 2). Хождение с березкой называли ходить «дыбкѡм» или «ширинкой». Парни и девушки шли, взявшись под руку. Когда шли «дыбкѡм», пели специальную песню:

Как за розвезью, да за зеленою,
За белым цветом, да за черемушным... и т. д.

Эту песню повторяли, пока не дошли до конца деревни. На обратном пути, поднимаясь на «бугѡр», исполняли песню «Просо сеяли», которая здесь называется «Пахать гору» или «Девки гору пахали». Разделившись на две, приблизительно равные партии, выстроились шеренгами поперек дороги, одна на некотором расстоянии от другой. Первая шеренга, которая несла березку, начала песню, двигаясь вперед по направлению к «бугру» (см. фот. 3). Когда она заканчивала свою часть, останавливалась и поворачивалась лицом ко второй шеренге. Вторая шеренга пела свою часть, двигаясь к первой шеренге. Затем первая шеренга поворачивалась опять лицом по направлению к «бугру» и т. д. Таким образом песню исполняли, все время двигаясь вверх к «бугру», но никогда не пели ее, спускаясь с бугра. В д. Старый Ягул существовали два варианта этой песни.

1-й вариант:

Девки гору пахали, пахали.
Ай-де млада пахали, пахали!
— А мы просо сеяли, сеяли.
Ай-де млада сеяли, сеяли!¹
— А мы просо вытопчем, вытопчем.
Ай-де млада вытопчем, вытопчем!
— А чем же вам вытоптать, вытоптать?
Ай-де млада вытоптать, вытоптать?
— А мы коней выпустим, выпустим.
Ай-де млада выпустим, выпустим!
— А мы коней вызволим, вызволим.
Ай-де млада вызволим, вызволим!
— А чем же вам вызволить, вызволить?
Ай-де млада вызволить, вызволить?
— А мы шелковым поводом, поводом.
Ай-де млада поводом, поводом!
— А мы коней выкупим, выкупим.
Ай-де млада выкупим, выкупим!
— Чем же вам коней выкупить, выкупить?
Ай-де млада выкупить выкупить?
— Мы дадим сто рублей, сто рублей.
Ай-де млада сто рублей, сто рублей!
— Нам не надо сто рублей, сто рублей.
Ай-де млада сто рублей, сто рублей!
— Мы вам дадим тысячу, тысячу.
Ай-де млада тысячу, тысячу!
— Нам не надо тысячу, тысячу.
Ай-де млада тысячу, тысячу!
— А мы вам дадим дедушку, дедушку.
Ай-де млада дедушку, дедушку!
— Нам не надо дедушку, дедушку.
Ай-де млада дедушку, дедушку!
— Мы вам дадим бабушку, бабушку.
Ай-де млада бабушку, бабушку!
— Нам не надо бабушку, бабушку.
Ай-де млада бабушку, бабушку!

¹ Вариант:

— А мы гору чистили, чистили,
Ай-де клado чистили, чистили!
— А мы гору пахали, пахали,
Ай-де клado пахали, пахали!
— А мы просо сеяли, сеяли... и т. д.

(д. Липовка, Малмыжского района).

Рис. 2. Шествие с троицкой березкой. Дер. Старый Ягул, Малмыжского р-на, Кировского края, 1929 г.

— Чего ж вам надобно, надобно?
 Ай-де младо надобно, надобно?
 — Нам ведь надо девицу, девицу.
 Ай-де младо девицу, девицу!
 — А како ж ее имечко, имечко?
 Ай-де младо имечко, имечко?
 — Нам надо Паничку, Паничку.
 Ай-де младо Паничку, Паничку!
 — Она у нас дурочка, дурочка.
 Ай-де младо дурочка, дурочка!
 — А мы ее выучим, выучим.
 Ай-де младо выучим, выучим!
 — А чем же ее вам выучить, выучить?
 Ай-де младо выучить, выучить?
 — А шелковой плеточкой, плеточкой.
 Ай-де младо плеточкой, плеточкой!

(Девница переходит в другую партию.)

— У нас в полку убыло, убыло.
 Ай-де младо убыло, убыло!
 — В нашем полку прибыло, прибыло.
 Ай-де младо прибыло, прибыло.
 — В нашем полку плачется, плачется.
 Ай-де младо плачется, плачется!
 — В нашем полку скачется, скачется.
 Ай-де младо скачется, скачется!

Второй вариант:

Девки гору пахали, пахали.
 Ай-де младо пахали, пахали!
 — Не быть горе паханой, паханой.
 Ай-де младо паханой, паханой!
 — А мы просу сеяли, сеяли.
 Ай-де младо сеяли, сеяли!
 — Не быть просе сеяной, сеяной.
 Ай-де младо сеяной, сеяной!

— Мы едь просо выжали, выжали.
 Ай-де младо выжали, выжали!
 — Не быть просе выжатой, выжатой.
 Ай-де младо выжатой, выжатой!
 — Мы едь просо складели в кабаны, в кабаны.
 Ай-де младо в кабаны, кабаны!
 — Не быть просе складеной в кабаны, в кабаны.
 Ай-де младо в кабаны, в кабаны!
 — А мы коней пускали, пускали.
 Ай-де младо пускали, пускали!
 — А мы коней поймали, поймали.
 Ай-де младо поймали, поймали.
 — А мы коней выкупим, выкупим.
 Ай-де младо выкупим, выкупим!
 — Не быть конем купленным, купленным.
 Ай-де младо купленным, купленным!
 — Мы за коней дадим сто рублей, сто рублей.
 Ай-де младо сто рублей, сто рублей!
 — Нам не надо сто рублей, сто рублей.
 Ай-де младо сто рублей, сто рублей!
 — Мы дадим денежку, денежку.
 Ай-де младо денежку, денежку!
 — Нам не надо денежку, денежку.
 Ай-де младо денежку, денежку!
 — Мы дадим девушку Аннушку Аннушку.
 Ай-де младо Аннушку, Аннушку!
 — Нам это на руку, на руку.
 Ай-де на руку, на руку!

После этой песни исполняли другую, которая носит название «Утка», тоже двигаясь все время вперед к «бугру». «Утка» имела некогда явно обрядовый характер, о чем говорит заключительная часть этой песни-игры:

Где-ка утка ¹ шла, тута рожь густа,
 Околосистая, да обмолотистая.
 Кузовенька овса опрокинулася,
 Запрокинулася, замекинулася.

Когда дошли до «бугра», пошли в другой конец деревни, повторяя все описанное выше. Когда прошли таким образом вдоль всей деревни, начали на «бугре» водить хороводы. Первый хоровод был обязательно с березкой («Разлюбимый мой каравод»), потом с березки сняли ленты, березку бросили в сторону. Хороводы и танцы продолжались до глубокой ночи.

Каков же смысл этой игры и почему она была приурочена к весенним праздникам? Песня «Просо сеяли» состоит из двух частей разновременного происхождения. Первую часть игры мы считаем пережитком магического воспроизведения земледельческих работ, начиная с рубки леса на «сече», «лядине», т. е. подсеке, и кончая молотьбой зерна. Во второй части отражен обычай отдавать девушек в другой род в качестве выкупа за нарушение междуродового обычного права. Остановимся на первой части игры.

Различные варианты песен дают довольно полную картину земледельческих процессов обработки почвы к посеву при подсечной системе земледелия, сеяния, сбора и молотьбы проса. Подготовка почвы при подсечной системе состояла из ряда моментов: 1) рубят лес, оставляя срубленные деревья на месте, 2) сжигают срубленный лес, 3) очищают участки от несгоревших стволов, пней, 4) взрыхляют землю сохой или мотыгой. А. Подвысоцкий дает для б. Архангельской губ. следующее описание этих процессов: «Выбирается в лесу, возможно ближе к деревне, возвышенное место, удаленное от болот и покатоое к югу для защиты от северных ветров; на этом месте срубливают (по местному говору под-

¹ Ср. вариант: «Где девушки шли, тут рожь густа». И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838, вып. III, стр. 119.

Рис. 3. Игра «девки гору пахали». Дер. Старый Ягул, Малмыжского р-на, Кировского края, 1929 г.

секают) деревья, а на следующий год сжигают высохшие пни; верхний слой земли с мхом и стеблями перегорают, что дает хорошее удобрение. На третий год стягивают в кучу оставшиеся головни и сжигают их».¹ «Подсеки, — пишет Д. К. Зеленин, — часто обрабатывались мотыгой, так как не всегда на подсеке можно пользоваться сохой из-за большого количества корней».² Лесные участки, приготовленные для посева при подсечной системе, носили специальные названия. Д. К. Зеленин приводит перечень этих названий: «подсека, сеча, ладо, лядина, пал, кулига, плёлка, нива, дерба, чищоба, новина»;³ в нашей песне встречаются еще термины с тем же значением: копань, чйща, чйстка.

Описание первых моментов подготовки лесных участков под посев сохранилось в немногих вариантах песни:

А мы сечу сечали, сечали,
Ой-дид-ладо сечали, сечали.⁴

(Б. Уфимской губ.)

А мы сечу чистили, чистили.
Ой-диди-ладу чистили, чистили.⁵

(Б. Пензенской губ.)

А мы сечи чистили, чистили.
Ой-диди-ладо чистили, чистили.⁶

(Б. Нижегородской губ.)

¹ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885. Под словом «Нива».

² D. Zelenin. Russische Volkskunde. Leipzig, 1927, стр. 13.

³ Там же, стр. 8.

⁴ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. СПб., 1902, т. VII, стр. 602.

⁵ А. Терещенко. Быт русского народа. СПб., 1848, ч. V, стр. 19.

⁶ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, СПб., 1902, т. VII, стр. 605.

А мы чищу чистили, чистили,
Ой-дид-ладу чистили, чистили! ¹
(Б. Оренбургской губ.)

Красны девушки чищу чистили.
(Б. Смоленской губ., Терещенко, IV, стр. 307.)

А мы чищобу чистили, чистили.
Диди-лада чистили, чистили! ²
(Б. Казанской губ.)

А мы чистку чистили. ³
(Дмитровский край.)

А мы гору чистили, чистили.
Ай-де кладо чистили, чистили!
(Кировская область.)

А мы лядо копали, копали.
Зелена наша дуброва, дуброва. ⁴
(Б. Могилевской губ.)

А мы копань копали,
Зеленая травушка, алой цвет. ⁵
(Б. Московской губ.)

А мы думу думали,
Копань копали.
(Б. Владимирской губ., Соболевский, VII, стр. 606.)

Далее песня говорит о пахоте нивы.

А мы пашню пахали, пахали.
Диди-лада пахали!
(Б. Казанской губ., Магницкий, стр. 107.)

Девки гору ⁶ пахали, пахали.
Ай-де младо пахали, пахали!
(Кировская область.)

А мы нивку орали, орали.
Та владу ладом орали! ⁷
(Б. Харьковской губ.)

Момент сеяния проса находим во всех вариантах; он выражен словами:

А мы просо сеяли, сеяли.
Ой-ди младо, сеяли, сеяли! ⁸
(Б. Архангельской губ.)

Этими словами обычно начинается песня, и только немногие варианты, как видели, сохранили слова, характеризующие первые моменты, связанные с подготовкой почвы под посев. Точно так же не во всех вариантах говорится и

¹ П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. СПб., 1900, т. I, стр. 79.

² А. Б. Зернова. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае. Сов. этн., 1932, № 3, стр. 28.

³ В. Магницкий. Песни крестьян с Беловоложского, Чебоксарского у., Казанской губ. Казань, 1877, стр. 107.

⁴ З. Ф. Радченко. Гомельские народные песни. Зап. РГО по Отд. этногр. СПб., 1888, т. XIII, вып. II, стр. 34.

⁵ И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1849, 3, стр. 46.

⁶ Для подсеки выбиралось возвышенное место.

⁷ И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838, вып. III, стр. 32.

⁸ См. напр. П. Е. Ефименко. Материалы по этнографии Архангельской губернии. Изв. Общ. люб. ест., арх. и этн., 1878, т. XXX, стр. 145.

о последующих процессах после посева: о полке проса, жатве, вязании, складывании в скирды и возке снопов.

— А мы просо пололи, пололи,
Ой-диди ладо пололи, пололи

(Б. Пензенской губ., Терещенко, V, стр. 19.)

— Мы просу пололи, пололи,
Диди-лада пололи!
— А мы просу жинали, жинали,
Диди-лада жинали!
— А мы снопы вязали, вязали,
Диди-лада вязали!
— А мы снопы возили, возили,
Диди-лада возили!

(Б. Казанской губ., Магницкий, 107.)

Мы едь просо выжали, выжали.
Ай-де младо выжали, выжали!
— Мы едь просо складели в кабаны,¹ в кабаны.
Ай-де младо в кабаны, в кабаны!

(Кировская область.)

Процесс молотьбы проса выражен в песне словами:

А мы просо вытопчем, вытопчем.

Топтание — один из наиболее архаических способов молотьбы. Д. К. Зеленин отмечает у восточных славян три способа молотьбы: топтание, волочение, битье. О топтании-молотьбе Д. К. Зеленин приводит следующие данные: «Белорусы топчут и трут просо босыми ногами, чтобы отделить зерна». При топтании применялся также и скот, главным образом, лошади. Снопы раскладывали на гумне, потом ездили по ним вокруг на лошадях или на волах.² О топтании проса так же, как и сеянии проса, говорится почти во всех вариантах песен:

— А мы просо сеяли.
Ой-дид ладо сеяли!
— А мы просо вытопчем.
Ой-дид ладо вытопчем!

С развитием земледельческой техники термину «топтать», который первоначально означал способ молотьбы, было придано другое осмысление, и это дало, мы думаем, завязку другой части той же игры.

Таким образом, в первой части песни-игры перечисляются различные земледельческие процессы, связанные с обработкой проса. В варианте, записанном В. Магницким в б. Казанской губ., мы находим почти исчерпывающий перечень этих земледельческих процессов:

А мы чищобу чистили, чистили.
Диди лада чистили!
А мы пашню пахали, пахали.
Диди лада пахали!
А мы просу сеяли, сеяли.
Диди-лада сеяли!
А мы просу пололи, пололи.
Диди-лада пололи!
А мы просу жинали, жинали.
Диди-лада жинали!
А мы снопы вязали, вязали,
Диди-лада вязали!
А мы снопы возили, возили.
Диди лада возили!³ и т. д.

(Дальше начинается вторая часть песни.)

¹ Кабан — местное название скирды.

² D. Zelenin. Russische Volkskunde. Leipzig, 1927, стр. 48.

³ В. Магницкий. Песни крестьян села Беловоложского, Чебоксарского уезда, Казанской губ. Казань, 1877, стр. 107.

В этой части игры говорится об одной из самых примитивных систем земледелия — о подсечной системе («сечу сечали», «чищобу чистили», «копань копали»). На древность происхождения игры указывает и то, что в ней фигурирует просо, которое в славянском земледелии было первым возделываемым злаком.¹ Подсечное земледелие требует большого количества рабочих рук и возможно лишь при наличии значительного коллектива. И действительно, в прежнее время в русской деревне для работ на подсеке прибегали к толоке — особому виду коллективной взаимопомощи, когда объединялись несколько хозяйств или вся деревня для совместных работ.²

Текст песни-игры и исполнение игры указывают тоже на коллективный характер работ:

Мы сечу сечали. . .
Мы пашню пахали. . .
Девки гору пахали. . .
Мы просо сеяли. . . и т. д.

Эта часть игры является магическим воспроизведением земледельческих процессов с целью обеспечить урожай.³ Существующие записи произведены в то время, когда магические обряды уже исчезли. Тем не менее, мы можем сделать заключение о магическом характере этой игры. Об этом говорит тесная связь игры с весенними обрядами, имеющими бесспорно магический характер. Исполнение игры было связано с определенными требованиями: например в Малмыжском районе, Кировской области, с этой игрой проходили по всей деревне, исполняя ее только при восхождении на «бугор». Имеются некоторые данные о том, что упоминание в песне земледельческих процессов сопровождалось соответствующими движениями. Так, Терещенко пишет об исполнении этой игры-песни в б. Смоленской губ.: «Мужчины и девушки, побравшись за руки, становятся в два ряда, образующие две половины. Одна из них, взмахнувши руками, будто бросает зерна, начинает петь: «А мы просо сеяли».⁴ Старые русские этнографы отмечали обрядовый характер этой песни. Сахаров писал: «Голос этой песни протяжный, сходный с обрядовыми песнями, имеет особое отличие от всех других».⁵ Очевидно, рассматриваемая игра-песня была приурочена к весенним праздникам с тем, чтобы перед началом весенних земледельческих работ обеспечить урожай.

Имеющиеся данные говорят, что этот обряд исполнялся только одними женщинами, коллективом женщин. Это тоже указывает на обрядовый характер игры. В текстах песен находим:

Девки гору пахали, пахали.

(Кировская область.)

Красны девушки чищу чистили,
Молодушки пашню пахали.

(Б. Смоленской губ., Терещенко, IV, 806.)

Девки просо сеяли.

(Б. Иркутской губ., Шейн. «Великорус», I, стр. 79.)

¹ По данным археологии, самым древним культурным злаком в степях восточной Европы было просо. А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей восточной Европы. ГАИМК, 1935, стр. 147—148. Арабский летописец начала X в. Ибн-Даста отмечает, что славяне «более всего сеют просо». А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, гл. XXIII, стр. 265.

² Н. Н. Тихоницкая. Сельскохозяйственная толока у русских. Сов. этн., 1934, № 4, стр. 74—75.

³ О магическом воспроизведении земледельческих процессов см. Д. Зеленін, «Спасова борода», Етногр. вісник, кн. 8, 1929 г., стр. 115—134.

⁴ А. Терещенко. Быт русского народа. СПб., 1848, IV, стр. 306.

⁵ И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1849, т. I, кн. 3, стр. 75 (примеч.).

В Кировской области, как было уже сказано, к этим играм парни прежде «касательства не имели». Терещенко пишет об игре «Просо сеяли», что «это одна из любимейших забав девушек, которые не всегда допускают в свой круг мужчин».¹ «Игры взрослых весной и летом, — говорит Машкин о б. Курской губ., — бывают следующие: молодые бабы и девки сеют просо».² И в других древних земледельческих обрядах женщина играла главенствующую роль. Впоследствии на смену женщине в обряде стал выступать, конечно, в несколько иной роли мужчина, что являлось отражением более поздних стадий развития общества. Например, в дожиночных обрядах восточных славян женщина — исполнительница обрядов — вязала, украшала и несла «дожиночный» сноп или венок, а пан или хозяин, устраивающий толоку, встречал пришедших с поля жниц, принимал от главной жницы принесенный сноп, возлагал венок себе на голову и т. д.³

Игра «Просо сеяли» не стоит изолированно; к аналогичным весенним играм-песням можно отнести «Мак» и «Мы сеяли ленок». С развитием земледельческой техники, с переходом от подсечной системы земледелия к переложной и к трехполью обрядовое действие утратило свое значение, превратилось в простую игру. Часть песни-игры, связанная с воспроизведением земледельческих процессов, почти совсем исчезла, остались только две фразы: «А мы просо сеяли», «А мы просо вытопчем»; при этом слову «вытоптать» придано другое значение.

Во второй части игры идет спор из-за того, что одна сторона играющих угрожает выпустить коней, чтобы вытоптать посеянное просо. «Вытоптать» первоначально означало, как было сказано, земледельческий процесс молотбы проса. С развитием земледельческой техники, с переходом к другим способам молотбы, этому термину дано новое осмысление: «вытоптать» стали понимать, как потраву поля конями. Применение коней при топтании-молотбе (см. выше) в дальнейшем могло дать образ коней при осмыслении слова «топтать», как потравы. За первоначальное значение глагола «вытоптать», как молотбы, говорит и то, что в вариантах, по которым просо уже выжато, увезено с поля и лежит в кабанах (скирдах), бессмысленно звучит угроза выпустить коней для потравы посевов.⁴ Новое осмысление термина «вытоптать», как потравы поля конями, дало завязку новой части игры. Между играющими начинается спор: пострадавшая сторона угрожает поймать и задержать коней; виновная сторона за задержанных на потраве коней предлагает различный выкуп. Пострадавшая сторона от всяких предложений отказывается, кроме одного предложения: дать в качестве выкупа девицу. Эта часть игры обычно начинается словами:

— А мы просо вытопчем, вытопчем.

Ой-дид ладу вытопчем, вытопчем!

(Б. Оренбургской губ., Шейн, «Великорус», I, 79).

На это другая сторона обычно отвечает вопросом, как это будет сделано?

— А чем же вы вытопчите.

Ой-дид ладу вытопчите?

(Б. Оренбургской губ., Шейн, «Великорус», I, 79.)

— Да чем же вам вытоптать, вытоптать.

Ой-ди младо вытоптать, вытоптать?

(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)

На это дают ответ:

А мы коней выпустим, выпустим.

Ой-ди младо выпустим, выпустим!

(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)

¹ А. Терещенко. Быт русского народа. СПб., 1848, IV, стр. 306.

² Машкин. Быт курских крестьян. Этн. сборн. РГО, 1862, вып. V, стр. 107.

³ См. Н. Н. Тихоницкая, «Спори́на» в жатвенных обрядах и песнях, преимущественно белорусских, Язык и литература, 1932, VIII, стр. 67—69, 73—74, 80.

⁴ См., напр., приведенный выше вариант из Кировской области.

— А мы коней пушали.

Диди, ла, ой пушали!

(Б. Смоленской губ., Терещенко, IV, 307.)

— А мы коней испустим, испустим.

Зелена наша дуброва, дуброва.

(Б. Могилевской губ., Радченко, 34).

Угроза поймать коней выражается следующими словами:

— А мы коней перейдем, перейдем.

Ой-диди ладо перейдем!

(Б. Нижегородской губ., Соболевский, VII, 605).

Мы то ли коней изловим, изловим.¹

(Белозерский край.)

Далее следует обычный вопрос, чем будут ловить коней:

— Цем же вы то коней изловите, изловите?

(Белозерский край, Соколовы, 410).

— Да чем же вам перенять, перенять.

Ой-ди младо перенять, перенять?

(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)

Ловят — «перенимают» коней в большинстве вариантов «шелковым поводом»; кроме того, «шелковым неводом», «шелковым поясом», «серебряным узделом», «за уздечки тесмянные».

— А шелковым поводом, поводом.

Ой-ди младо поводом, поводом!

(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)

— А мы шолковым неводом.

(Дмитровский край, Зернова, 28.)

— Шелковыми уздами, уздами.

Ой, дид и ладу, уздами, уздами!

(Б. Воронежской губ., Соболевский, VII, 603).

— Мы то ли серебряным узделом.

(Белозерский край, Соколовы, 410.)

— За уздечки тесмянные, тесмянные.

За поводья шелковые, шелковые.

Ой-ли-да ладу шелковые!

(Шейн, «Великорус», I, стр. 79.)

— Мы шелковым поясом, поясом.

Едни ладо поясом, поясом.²

(Северный край).

В некоторых, немногих, вариантах эта часть, связанная с «перениманием» коней, развита, дополнена некоторыми бытовыми подробностями:

— А мы невод разорвем, разорвем!

А мы коней в стойло запрем, запрем!

(Б. Псковской губ., Шейн, «Великорус», I, 79.)

— Мы повод рассечем, рассечем!

— Чем же ты рассечешь, рассечешь.

Ай же млада рассечешь, рассечешь?

— Мы острым ножичком, ножичком.

Ай же младо ножичком, ножичком!

¹ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. 410.

² Лешуконский район, Северного края. Запись Н. Колпаковой, 1928, Архив фолькл. секции ИАЭ, Акад. Наук, инв. № 698.

— Мы ножик вытупим, вытупим.
 Ай же младо вытупим, вытупим!
 — Чем же ты вытупишь, вытупишь.
 Ай же младо вытупишь, вытупишь?
 — Мы серым камешком, камешком.
 Ай же младо камешком, камешком.¹

С другой стороны, в некоторых вариантах эта часть с указанием, каким способом будут ловить коней, совсем опущена, и песня прямо переходит к заявлению владельцев коней, что они пойманных коней выкупят.

— А мы коней выловим, выловим.
 Ой-диди ладу выловим, выловим! —
 — А мы коней выкупим, выкупим.
 Ой-диди ладу выкупим, выкупим!
 (Терещенко, V, 19.)

Слова о том, что кони будут выкуплены, и вопрос, чем будут выкуплены, находятся почти во всех вариантах, например:

— А мы коней выкупим.
 Ой-дид ладо выкупим!
 — А чем же вам выкупить?
 Ой-дид ладо выкупить?
 (Снегирев, вып. III, 31.)

В варианте из Дмитровского района выпускают, выкупают, ловят не коней, а одного коня; в украинском варианте — «стадо».

— А мы коня выпустим.
 — А мы вашего коня изловим.
 — А чем же вам изловить?
 — А мы шелковым неводом.
 — Шелков невод парьветца.
 — А мы его выкупим.
 (Дмитровский край, Зернова, 28.)

— А ми стада запустим, запустим.
 Та владу ладом же пустим!
 — А ми стада займемо, займемо.
 Та владу ладом займемо, займемо!
 — А ми стада выкупим, выкупим.
 Та владу ладом выкупим!

(Б. Харьковской губ., Снегирев, вып. III, 33.)

Обычно в качестве выкупа виновная сторона предлагает сначала сто рублей, а потом тысячу, на что получает в том и другом случае отказ:

— Мы дадим вам сто рублей, сто рублей.
 — Нам не надо сто рублей, сто рублей.
 — Мы дадим вам тысячу, тысячу.
 — Нам не надо тысяча, тысяча.
 (Белозерский край, Соколовы, 410.)

— Мы дадим сто рублей, сто рублей.
 Ой-диди ладу сто рублей, сто рублей!
 — Не надо нам тысячи, тысячи.
 Ой-диди ладу тысячи, тысячи!
 (Терещенко, V, 19.)

В некоторых вариантах предлагают не рубли, а «куницу», «веверицу»,² «кун», «гривны», «денежку», и получают тоже отрицательный ответ.

¹ М. Я. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. Сборн. Отд. рус. яз. и сл. Акад. Наук, т. XVII, СПб., 1877, стр. 167.

² Шкурка белки.

— А мы дадим белую куницу.
Зеленая травушка, алой цвет!
— Не надо нам белую куницу.
Зеленая травушка, алый цвет!

(Б. Московской губ., Сахаров, I, кн. 3, стр. 46.)

— А мы дадим веверицу.
Ой-диди, калинка моя,
Ой-ладо, малинка моя!
— А не надо нам веверицу.
Ой-диди, калинка моя,
Ой-ладо, малинка моя!

(Б. Тульской губ., Сахаров, I, кн. 3, стр. 43.)

— А мы дадим кун.
Ой-дид ладо, дадим кун.
— А нам не надо кун.
Ой-дид ладо, кун!

(Б. Калужской губ., Сахаров, I, кн. 3, стр. 47.)

— А мы дадим сто гривен.
Ой-дид со ладою сто гривен!
— Не надо нам тысячи
Ой-дид со ладою тысячи!

(Б. Тульской губ., Сахаров, I, кн. 3, стр. 47.)

— А мы дадим денежку, денежку.
Ай-де младо денежку, денежку!

(Кировская область.)

В немногих вариантах предлагают в качестве выкупа молодца, на что тоже получают отрицательный ответ:

— А мы дадим молодца, молодца.
Ой-ди младо молодца, молодца!
— А нам не надо молодца, молодца.
Ой-ди младо молодца, молодца!

(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)

— А мы дадим молодца
Ой-дид со ладой молодца.
— У нас молодец дома есть,
Ой-дид со ладой дома есть!

(Сахаров, I, 3, стр. 47.)

Иногда в песню введен элемент комизма: после отказа взять сто рублей и тысячу предлагают «дедушку», «бабушку», «дров костер», «лык пучок»:

— Мы вам дадим дедушку, дедушку.
Ай-де младо дедушку, дедушку!
— Нам не надо дедушку, дедушку.
Ай-де младо дедушку, дедушку!
— Мы вам дадим бабушку, бабушку!
Ай-де младо бабушку, бабушку!
— Нам не надо бабушку, бабушку.
Ай-де младо бабушку, бабушку!

(Кировская область.)

— Мы дадим дров костер, дров костер,
— Нам дрова не надо, не надо:
В нас избы стоплены, стоплены!
— Мы дадим лык пучок, лык пучок,
— Нам лык не надо, не надо:
В нас лапти сплетены, сплетены!
— Мы дадим дедушку, дедушку.
— Нам дедушку не надо, не надо.

(Б. Псковской губ., Шейн, «Великорус», I, 80.)

После категорического отказа на все указанные предложения виновная сторона задает вопрос: «Что же нужно?» Ответ гласит, что нужна девица.

— Да что же вам надоть-то, надоть-то?
 Ой-де младо надоть-то, надоть-то?
 — Нам надобно девицу, девицу.
 Ой-де младо девицу, девицу!

(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)

Это требование выполняется, и девица из одной партии переходит в другую, при этом поют:

— А мы выдадим девицу.
 Ой-дид ладо девицу!
 — А мы берем девицу.
 Ой-дид ладо девицу!

(Б. Калужской губ., Сахаров, I, 3, стр. 47.)

— Мы девичку придамо, придамо.
 Та владу, ладом придамо, придамо!
 — Мы девичку примемо, примемо.
 Та владу, ладом примемо, примемо!

(Б. Харьковской губ., Снегирев, III, 33.)

Иногда вопрос «что надобно?» бывает опущен, и сторона-ответчик за потраву сама предлагает после денежного выкупа девицу и получает утвердительный ответ (Соболевский, VII, 605, б. Нижегородской губ.). По некоторым вариантам, прежде чем девица перейдет в стан противника, спрашивают, какая именно нужна:

— А кака же вам надобна, надобна,
 Едни ладо надобна, надобна?
 — Нам надо крайняя, крайняя.
 Едни ладо крайняя, крайняя!
 — С которого же краю-то, краю-то?
 Едни ладо краю-то, краю-то?
 — Нам надо с правого, с правого,
 Едни ладо с правого, с правого.¹

(Северный край).

— Вам надо котора, котора,
 Ай же млада котора, котора?
 — Нам надо крайняя, крайняя.
 Ай же млада крайняя, крайняя!
 — У нас крайняя в серебре, в серебре.
 Ай же млада в серебре, в серебре!
 — Нам надо в золоте, в золоте,
 Ай же млада в золоте, в золоте!

(Б. Олонецкой губ., Колосов, 167.)

— А како ж ее имечко, имечко.
 Ай-де младо имечко, имечко?
 — Нам надо Паничку, Паничку.
 Ай-де младо Паничку, Паничку!

(Кировская область.)

Иногда в ответ на эти требования возражают, характеризуя девицу отрицательными чертами, но это успеха не имеет:

— Она у нас дурочка, дурочка.
 Ай-де младо дурочка, дурочка!
 — А мы ее выучим, выучим.
 Ай-де младо выучим, выучим!
 — А чем же ее вам выучить, выучить?
 Ай-де младо выучить, выучить?
 — А шелковой плеточкой, плеточкой.
 Ай-де младо плеточкой, плеточкой!

(Кировская область.)

¹ Зап. Н. Колпаковой. 1928. Архив фолькл. секции ИАЭ Акад. Наук., инв. № 698.

— Мы дадим дурочку.
— А мы дуру выучим,
Мы дадим шелком шить!
(Соболевский, VII, 606.)

П. Ефименко указывает, что иногда на другую сторону переходит не одна девица, а сколько попросят.¹ По некоторым вариантам девица не просто переходит, а противоположная партия пропускает всех участников другой партии, где находится просимая девица, через ворота, образованные поднятием рук, и задерживает выбранную девицу. В песнях поется:

Отворите ворота, пропускайте девицу.
Ой ли да ладу девицу!
(Б. Иркутской губ., Шейн, «Великорус», I, 79.)

В б. Вологодской губ., наоборот, ворота делает партия, где находится требуемая девица; противоположная партия, состоящая из парней, проходит в эти ворота и выбирает одну девицу. При этом поют:

Давайте нам ворота, найдем.
Ой рядила ладу найдем!
(Б. Вологодской губ., Шейн, «Великорус», I, 80.)

Местами пострадавшая сторона для получения девицы применяла некоторое насилие. Сахаров пишет: «По окончании песни, вторая половина уступала девицу с трудом, так что первая половина почти насильно исторгала из среды ее».² По записи З. Ф. Радченко, у белорусов партия, которая начинала песню, после каждой строфы ловила одну девушку из другой партии, а в конце песни — всех остальных девушек.³ Когда девица перейдет, потерявшая ее партия заявляет, что их «полку убыло», что у них «плачется» и т. д. Выигравшая сторона указывает на обратное:

— У нас полку убыло, убыло.
Ай-де младо убыло, убыло!
— В нашем полку прибыло, прибыло.
Ай-де младо прибыло, прибыло!
— В нашем полке плачется, плачется.
Ай-де младо плачется, плачется!
— В нашем полке скачется, скачется.
Ай-де младо скачется, скачется!
(Кировская область.)
— Нашего полку убыло, убыло.
Ай же млада убыло, убыло!
— Нашего полку прибыло, прибыло.
Ай же млада прибыло, прибыло!
— У нас в полку кручина, кручина.
Ай же млада кручина, кручина!
— У нас в полку весело, весело.
Ай же млада весело, весело!
(Б. Олонецкой губ., Колосов, 168.)

Досада за потерю девицы выражается в том, что ей дают отрицательную характеристику; получившие девицу выражают надежду, что они исправят указанные недостатки.

¹ П. Ефименко. Материалы по этнографии Архангельской губернии. Изв. Общ. люб. ест., арх. и этн., т. XXX, 1878, стр. 145.

² И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1849, т. I, стр. 75.

³ З. Ф. Радченко. Гомельские народные песни. Зап. РГО по Отд. этн., СПб., 1888, т. XIII, вып. 2, стр. 34.

Одна сторона:

Не ткаха была, не пряха.
Не умела ткать, не умела прясть.
И по воду ходить,
И порядню водить.

Другая сторона:

Молодешенька, зеленешенька.
Мы научим ткать,
Мы научим прясть.
И по воду ходить.
И порядню водить.
(Б. Олонецкой губ., Колосов, 186.)

Одна сторона:

Что не пряха была, неуряха была.
Не умела прясть, не умела ткать,
Головы цесать и косы заплетать,
Скотину кормить, по сараю ходить.
По сараю ходила, сарай обломила.
И скотину задавила.

Другая сторона:

Молодешенька, зеленешенька.
Научитси прясть, научитси ткать,
Голову цесать и косу заплетать,
По сараю ходить и скотину кормить.
(Белозерский край, Соколовы, 410.)

В б. Вологодской губ., где одна партия состояла из девиц, а другая из парней, пели:

Девушки:

Благо бесова уroda
Со двора уволокли.
Не пряха была,
Не ткаха была,
Не шелковица была,
Не полушелковица,
Не по воду хожайка,
Не шей варя,
Не хлеба печя:
Испечет — сожжет,
Сварит — прольет,
Принесет на стол — не поклонится,
Не поклонится, отвернется.

Парни:

Не тужи, мати, не печалься.
Уж мы станем учить — переучивать.
У нас будет ткаха,
У нас будет пряха,
Шелковица, полушелковица,
По воду хожайка,
Шей варя, хлеба печя:
Испечет — не сожжет,
Сварит — не прольет,
На стол принесет — поклонится.
Поклонится — не отвернется.
(Шейн, «Великорус», I, 80.)

Какие социально-экономические отношения нашли свое отражение во второй части игры? Перед нами два хозяйства, имеющие скот — коней. Для славян наличие коней в хозяйстве довольно поздняя стадия. Ибн Даста (начало X в.)

писал, что у славян рабочего скота было мало, а верховых лошадей имел только один царь.¹ Хозяйства построены на коллективном начале: земледельческие работы производятся коллективом; на защиту коллективной собственности, в данном случае посевов, выступает весь коллектив; ответчиком является не отдельное лицо, а тоже целый коллектив:

- Мы коней перейдем,
- Мы коней выкупим.
- Мы дадим сто рублей и т. д.

Отношение между коллективами — играющими партиями — регулируется вполне определенными нормами, нормами обычного права: при потраве поля скотом скот задерживается в качестве залога, чтобы получить возмещение за убыток. Эти нормы обычного права были впоследствии закреплены писаным законом. В т. X Свода законов издания 1842 г., ст. 573, читаем: «Если учинена чужим скотом потрава хлеба на пашне или травы на некошенных лугах, то хозяин пашни и лугов в праве загнать тот скот к себе и, заявив о том сторонним людям, позвать хозяина скота, осмотреть с посторонними людьми учиненную оным потраву. Если сей последний удовлетворит за таковой убыток, то хозяин пашни или лугов обязан возратить ему скот в целости».

Сторона, нарушившая правовые нормы, дает пострадавшей стороне девицу. Здесь следует видеть отражение обычая давать девушек в качестве выкупа при нарушении междуродовых правовых норм. М. М. Ковалевский отметил у кавказских горцев обычай давать девушек в качестве выкупа при кровной мести: «Брак, — пишет он, — играет значительную роль при заключении мирного договора. Личные обиды забываются, раз семьи роднятся между собой. У осетин и других кавказских горцев девушки еще недавно входили в состав выкупа, который платил зачинщик и его родственники семье пострадавшего».² Униженное положение женщины при патриархальном укладе тоже находит отражение в игре. Сторона, которая получает девицу, поет, что она будет ее учить «шелковой плеточкой», что она научит ее не только хозяйству, но и почтительному отношению:

- На стол принесет — поклонится,
- Поклонится — не отвернется.

В имеющихся вариантах песен отражаются различные стадии развития денежной системы: меховые деньги («куница», «вверица», «кун») и металлические («гривна», «денежка» и «рубль»). Тексты, где говорится о металлической «денежке», «гривнах» и «рублях», нужно считать более поздней переделкой отдельных мест песни.

Упоминание в песне шелковой и серебряной упряжи («шелковый повод», «серебряное уздело») говорит об обычной роскоши феодалов и является, по нашему мнению, тоже позднейшей вставкой. Здесь нужно видеть идеализацию деревенского быта по образцу феодальной роскоши.³

Часть игры, отражающая заключение брачных союзов, не стоит изолированно: она имеет явную связь со свадебными обрядами. В этой игре, так же как в свадебных обрядах, имеется противопоставление двух сторон, заключающих брак; стороны называют себя «полками» и т. д. В некоторых вариантах песен имеется и мотив вооруженной борьбы, что является характерным

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, сер. 265.

² М. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895, стр. 81.

³ См. D. Zelenin. Das heutige russische Schnaderhüpfel (častuška). Zeitschrift für slavische Philologie, 1924, Bd. I, H. 3—4, 348—350.

тоже для свадебного обряда.¹ В б. Воронежской губ. Воронежского уезда, по записи 1851 г., после слов «в нашем полку убыло» пели:

- Кто же с нами под Казанью воевать?
- Мы с вами, мы с вами под Казанью воевать!
- Есть ли у вас, есть ли у вас да добрые кони?
- Есть у нас, есть у нас добрые кони!
- Есть ли у вас, есть ли у вас тесмянные узды?
- Есть у нас, есть у нас тесмянные узды!

(Соболевский, VII, 604.)

Весна — время заключения браков,² поэтому вполне понятно, что мотив заключения брачного союза мог развиваться при разложении магического земледельческого обряда, в данном случае первой части игры. Всей игре в целом был придан новый смысл — смысл борьбы за девицу.

Если первая часть — магический обряд — исключала участие мужчин, то вторая часть допускала или даже требовала их присутствия. «Когда вторая половина, — писал Сахаров, — вручала первой девицу, то ее встречал отважный молодец».³ Иногда играющие делились так, что одна партия состояла из парней, а другая из девушек.⁴ Местами сторона отказывалась от девицы, а брала вместо того молодца:

- А мы дадим девушку, девушку.
- Ой-дид ладу девушку, девушку.
- Не надо нам девушку, девушку.
- Ой-дид ладу девушку, девушку!
- А мы дадим молодца, молодца.
- Ой-дид ладу молодца, молодца!
- То-то нам надобно, надобно.
- Ой-дид ладу надобно, надобно.

(Б. Воронежской губ., Соболевский, VII, 603.)

Исполнение песни двумя хорами могло начаться с появления второй части игры, когда начал развиваться мотив спора двух сторон. Первая, магическая, часть песни-игры совершенно не требовала деления участников на две стороны.

Развитие второй половины игры сопровождалось разрушением первой, магической, половины: мотив спора, пререкания второй части передавался и в первую половину. Магия в данном случае требует для обеспечения урожайности утверждения, что такие-то земледельческие процессы выполнены. Однако в варианте, записанном, например, в Кировской области, на каждое утверждение имеется отрицание, что совершенно не соответствует первоначальной цели данного обряда:

- Девки гору пахали, пахали!
- Не быть горе паханой, паханой!
- А мы просу сеяли, сеяли!
- Не быть просе сеяной, сеяной! и т. д.

(См. выше полный текст песни.)

¹ Ср., напр., мотив вооруженной борьбы в свадебном обряде, записанный в б. Вятском крае. — Н. Н. Тихоницкая. Словесно-художественное творчество. Из материалов Этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда. Тр. Вятск. гос. музея, т. I, 1927, стр. 69.

² «Свадьбы старых людей всегда приготавливались к двум уложенным срокам: великоденскому и рождественскому мясоедам. Эти времена на Руси назывались свадебными». — И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1849, II, кн. 6, стр. 1—2.

³ Там же, т. I, кн. 1, стр. 77.

⁴ П. В. Шейн. Великорус. СПб., 1900, т. I, стр. 80.

Припев песни обычно состоит из слов «дид», «ладо» или из отдельных слогов, близких по звукам этим словам, с повторением последнего слова стиха или в сочетании с другими словами и междометиями:

- Ой-диди ладо чистили, чистили!
(Б. Нижегородской губ., Соболевский, VII, 506.)
- Ой-дид-ладо сечали! сечали!
(Б. Уфимской губ., Соболевский, VII, 602.)
- Ой-дид со ладой сеяли!
(Б. Тульской губ., Сахаров, I, 3, стр. 47.)
- Ой-диди, калинка моя,
Ой-ладо, малинка моя!
(Б. Тульской губ., Сахаров, I, 3, стр. 47.)
- Диди, ла, ой, пушали!
(Терещенко, ч. IV, 307.)
- Ой, ли, да ладу сеяли!
(Б. Иркутской губ., Шейн, «Великорус», I, стр. 79.)
- Ой, рядила ладу выпустим!
(Б. Вологодской губ., Шейн, «Великорус», I, 80.)
- Та владу ладом орали!
(Б. Харьковской губ., Снегирев, вып. III, 32.)
- Ой-ди младо сеяли, сеяли.
(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)
- Ай-де младо пахали, пахали.
(Кировская область.)
- Ай де клада пахали, пахали!
(Кировская область.)

Имеются редкие варианты, где сочетание «дид» — «ладо» совсем отсутствует, вместо того припев гласит:

- Ой люшеньки сеяли, сеяли.¹
(Б. Ярославской губ.)
- Зеленая моя ротавка и желтай цвет.
(Б. Курской губ., Машкин, стр. 107.)
- Зелена наша дуброва, дуброва.
(Для одной половины.)
- Зелена наша руточка, жовтый цвет.
(Для другой половины.)
(Б. Могилевской губ., Радченко, 34.)

Некоторые старые авторы, например, Снегирев видел в слове «ладо» имя богини, которую он считал покровительницей свадеб и которой, будто бы, был посвящен праздник Красной горки. А «дид» или «дидис», по его толкованию, литовское слово, означающее великий, являлось определением к слову «ладо».² Известный представитель мифологической школы в этнографии А. Афанасьев считал «ладу» богиней весны, «в образе которой слились вместе представления девы ясного солнца и облачной нимфы».³ Это мнение было решительно опровергнуто другими исследователями. Еще ранее господства в русской этно-

¹ А. А. Фенютин. Увеселение города Мологи в 1820—1832 гг. Тр. Яросл. губ. стат. ком., вып. 1, 37.

² И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838, вып. III, стр. 27—28.

³ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, I, стр. 228.

графии мифологической школы Сахаров писал о значении слова «ладо», «лада», как милый, милая.¹ Потебня высказывал вполне аналогичное мнение.² В песенном припеве «ладо» бесспорно означает милый, милая, но нет основания считать эту форму припева изначальной: «ладо», «лада» — милый, милая никакой связи с первой частью игры — магическим обрядом не имеет. Можно высказать предположение, что первоначально в припеве было не «ладо», а «лядо», в значении подсека. Слово «лядо» (подсека) было в основном тексте песни-игры,³ в котором отражается подсечная система земледелия, поэтому вполне естественно, что это слово могло перейти в припев, являющийся очень часто повторением первой фразы песни. В дальнейшем, с развитием земледельческой техники, с переходом к другой системе земледелия и, наконец, полным почти исчезновением всей первой части игры, слово «лядо» стало далеким игре, в которой развился новый мотив заключения брачного союза, и оно заменилось в припеве излюбленным в весенних и любовных песнях словом «лада» — милая. Только приняв это толкование, можно дать объяснение некоторых вариантов припева в сочетании со словом «ладо». Так, в одном варианте Шейна в припеве поют:

Ой, рядила ладу выпустим,
Ой, рядила ладу выкупим... и т. д.

(Б. Вологодской губ., Шейн, «Великорус», I, 80.)

«Рядила ладу» собственно означает «наряжала милую», что никакого смысла в контексте данной песни-игры не имеет. Если же предположить, что собиратель должен был записать не «рядить», а «редить» (рядить и редить звучат одинаково — редить), что значит делать редким,⁴ прорежать, и что вместо «ладу» некогда было «ляду», то получим фразу, имеющую определенный смысл и тесно связанную с игрой, в которой отражается подсечная система земледелия. «Редила ляду» — значит прорубала подсеку.

Сахаров⁵ и др. в песенном припеве «дид» видели украинское слово дід — дед, старик. Правильнее видеть в слове «дид» осмысление старого припева, состоящего из отдельных слогов: ой-ди, ой-де, ой-ли да и т. д., которые сохранились еще в некоторых вариантах в сочетании с «ладо» и «младо»:

Ой-ли-да ладу сеяли

(Б. Иркутской губ., Шейн, «Великорус», I, 86.)

Ой-ди младо сеяли, сеяли.

(Б. Архангельской губ., Ефименко, 145.)

Ай-де младо пажили, пахали.

(Кировская область.)

Подобное осмысление мы видим и в самом тексте песни: на севере, где по климатическим условиям просо не возделывали, название его было заменено словами «роса» и «просто»:

Мы росу посеяли, посеяли.

(Б. Олонецкой губ., Колосов, 167.)

А мы просто сеяли, сеяли.

(Б. Архангельской губ., сведения от Ю. П. Аверкиевой.)

¹ И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1849, I, кн. 1, стр. 4.

² А. А. Потебня. Объяснение малорусских и сродных песен. Варшава, 1883, стр. 37—38.

³ Например, «А ми лядо копали». З. Ф. Радченко. Гомельские народные песни. Зап. РГО по Отд. этн., СПб., 1888, т. XIII, вып. 2, стр. 34.

⁴ По словарю Даля: р е д и т ь что, делать реже по пространству и по времени; редить рассад, пропалывать, прорежать.

⁵ И. Сахаров. Сказания русского народа. СПб., 1849, т. I кн. 1, стр. 9.

Кроме рассмотрения вопроса о припеве, некоторые исследователи уделили внимание анализу и самой игры. Так, А. А. Соболевский свел все содержание песни к решению юридического вопроса, почему одна сторона имеет право на посевы, а другая платит штраф, хотя она, судя по некоторым вариантам, распахала пашню. Автор считает вопрос разрешенным в песенном варианте, где указан момент расчистки «сечи»:

- 1 А мы сечу счали,
- 2 А мы пашню пахали.
- 1 А мы просо сеяли.
- 2 А мы коней. . . и т. д.

«Первая сторона, — пишет Соболевский, — расчистила землю из-под леса, вторая эту расчищенную землю распахала. Право на пользование землею принадлежит, несомненно, первой стороне».¹ После выяснения значения первой части игры, как обрядового магического воспроизведения земледельческих процессов, в которой первоначально не было никакого спора, вопрос, поставленный Соболевским, не имеет с нашей точки зрения существенного значения. Однако Соболевский совершенно правильно отметил, что вариант, где говорится о «сече» — подсеке, «нужно считать полным и сохраняющим основные подробности песни, прототипа».

А. А. Потебня основным моментом в игре-песне «Просо сеяли» считал символику: с девицами связана обработка поля, в частности сеяние, а с парнями и их конями топтание посевов — заключение брака.² Но Потебня сам же и опроверг выдвинутое им объяснение тем, что, исходя из принятых им положений, не мог разрешить вопроса, почему в качестве выкупа дается девица; тогда как по смыслу игры нужно дать парня, так как парни вытаптывают символические посевы. «Эта черта, — пишет Потебня, — затрудняет объяснение песни, в том виде, как она дошла до нас».³ Взгляд на символическое значение «топтанья» разделял и А. Н. Веселовский.⁴ Е. В. Аничков,⁵ возражая против тенденции А. А. Потебни все сводить к символам «топтанья» и «сеяния», смысл игры «Просо сеяли» видит не в отдельных символических образах, а в общем символе — заключении брачных союзов. «Символический образ, весь смысл подобных песен, — пишет он, — заключается именно в их конечном акте, в заполучении девушки, так что первая часть служит только как бы введением, подобранным предлогом потребовать девушку, и ее образы вовсе не так важны. Анализа же, какие именно формы заключения брачных союзов нашли свое отражение в рассматриваемой игре, Аничков не дает. Нужно считать совершенно правильным указание Е. В. Аничкова⁶ и еще ранее А. Н. Веселовского⁷ на связь игры «Просо сеяли» с играми «Царенко» и «Бояре», в которых тоже отразились обычаи заключения брачных союзов. И. Снегирев,⁸ З. Ф. Радченко⁹ и другие видели в игре обычай похищать невест. «В этой песне-игре, — пишет Радченко, — как известно, отражается похищение невест. Из одного хоровода в другой после каждого куплета, которые поются поочередно то одной, то другой группой, перехватывают по

¹ А. Соболевский. К изучению русских народных песен. Жив. стар., 1906, XV, вып. 2, стр. 147—148.

² А. А. Потебня. Объяснение малорусских и сродных песен. Варшава, 1883, стр. 34—40, 45.

³ То же, стр. 40.

⁴ А. Н. Веселовский. Сочинения, СПб., 1913, т. I, стр. 263.

⁵ Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. 2, стр. 283.

⁶ То же, стр. 283—287.

⁷ А. Н. Веселовский. Сочинения. СПб., 1913, т. I, стр. 262—263.

⁸ И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838, вып. 3, стр. 34.

⁹ З. Ф. Радченко. Гомельские народные песни. Зап. РГО по Отд. этн., т. XIII, вып. 2, стр. 34.

одной девушке».¹ Действительно, как было уже отмечено выше, в игре есть наличие некоторых элементов насильственного получения девицы, имеется также мотив вооруженной борьбы, что подчеркивает связь игры со свадебным обрядом, но основной момент не в похищении, а в получении невесты в качестве выкупа за нарушение правовых норм: зачем похищать, когда девицу отдают хотя и с большой неохотой, но добровольно? Как видим, детального анализа игры «Просо сеяли», анализа социальных отношений, отразившихся в этой игре до сих пор дано не было. Настоящая работа и является попыткой дать такой анализ. Общие выводы, которые получены в результате работы, могут быть сформулированы следующим образом:

Хороводная игра песни «Просо сеяли» является частью весенних обрядов и состоит из двух частей разновременного происхождения. Первая часть игры — пережиток обрядового магического воспроизведения земледельческих работ, начиная с «сечи» (подсеки) и кончая молотьбой. Вторая часть — отражение обычая отдавать девушек в качестве выкупа за нарушение норм обычного права. С переходом к новой, более развитой земледельческой технике примитивный способ молотьбы — «топтанье» — стал непонятен, и этот термин, в связи с процессом разложения обряда, был перетолкован как повреждение посевов — потрава. Таким образом слово «лядо» — подсека, ставшее далеким игре, заменилось в припеве излюбленным рефреном любовных песен: «ладо», «лада» — милый, милая. В связи с новым осмыслением термина «топтанье» развилась вторая часть игры-песни, которая в дальнейшем придала новый смысл всей игре в целом — спора двух коллективов из-за нарушения правовых норм. Развитие второй половины игры-песни сопровождалось разрушением первой, магической половины.

Résumé

M. Tichonickaja

Le jeu populaire russe „Nous avons semé le millet“

Le jeu chorique et la chanson «Nous avons semé la millet» constituent un des rites printaniers. Il comporte deux parties datant d'époques différentes. La première est une survivance de la représentation rituelle magique des travaux agricoles, depuis le défrichement jusqu'au battage. La seconde reflète les cas où les filles étaient données en mariage dans un autre clan à titre de compensation pour une violation du droit coutumier interclanal.

Dans la première partie du jeu, on retrouve des traces de la production collective et de rites magiques de la société clanale. Avec le passage à une technique agricole plus développée, le terme «piétinement» désignant le procédé primitif de battage devint incompréhensible et fut interprété autrement, dans le sens de détérioration des semis. De même le mot «liado» (défrichement), devenu étranger au jeu, fut remplacé dans le refrain par les mots «lâdo», «lâda», qui signifient «cher», «chérie».

Le nouveau sens attribué au terme «piétinement» donna naissance à la seconde partie du jeu, qui conféra au jeu tout entier une nouvelle signification, celle de dispute entre deux collectivités (clans patriarcaux) au sujet d'une transgression des normes juridiques. La chanson qui constitue cette seconde partie du jeu, permet de conclure à un développement assez élevé de l'économie agricole, à des rapports assez actifs entre clans et à la humble position que la femme occupait dans la famille patriarcale. La mention de l'«argent» (fourrures) qu'on trouve dans la chanson accuse déjà une décadence du régime du clan. Les textes où il est question de monnaie métallique sont un remaniement ultérieur de divers passages de la chanson.

¹ Там же.